

УДК 82.091

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВОЕННОЕ ПРОШЛОЕ» В РОМАНЕ К. КРАХТА «FASERLAND»

© Драчева А.В., Кучумова Г.В.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: adra4ewa@yandex.ru

В немецкоязычной литературе нового рубежа веков обозначим вектор нового интереса к войне как необходимому экзистенциальному опыту человека. В человеческой культуре война выступает одним из символов инициации, то есть символического прохождения через испытания смертью, после которого человек приобретает особый экзистенциальный опыт понимания смысла жизни. В постмодернистской ситуации экзистенциальный опыт утрачивает свое первоначальное наполнение. Восполняя этот «культурный пробел», современные авторы обращаются к культурно-исторической реконструкции опыта «военного прошлого». Молодое поколение писателей отходит от давно разработанных схем изображения нацистского прошлого. «Внуки Третьего рейха» по-новому сюжетно оформляют тему войны и не обладая личным опытом войны, отслеживают военное прошлое по его следам [1, с. 53].

Новые стратегии реконструкции экзистенциального опыта отражают переход от одного типа рациональности (гегелевский субъект) к иному типу субъективности с размытой идентичностью в культуре постмодернизма [2]. Более существенным в постмодернистском пространстве становится не сам субъект, переживший событие-травму (например, Холокост), а «означающее», след от этого события, который, не выступая реальностью, выдает ее присутствие (Э. Левинас). Очевидно, что для нового типа субъективности война как «оживляющая боль истории», как форма возврата к сильным эмоциям, становится значимой метафорой экзистенциального опыта [3].

В романе *Faserland* (1995) швейцарского автора Кристиана Крахта (*Christian Kracht*, род. 1966) концепт «военное прошлое» становится одним из центральных. Наделенный особым чувством любви к родине (*Faserland* = *Father* + *Vaterland*), безмянный рассказчик по пути своего путешествия по городам Германии 1990-х составляет карту «следов» нацистского прошлого, восстанавливает по ним историю городов, с болью отмечая степень их разрушения войной. Так, история Гамбурга связана с ночными воздушными налетами. Герой романа представляет себе шквальный обстрел Гамбурга, когда буквально все было снесено с лица земли. Гейдельберг рождает ностальгию по добрым временам. *Old Heidelberg. Hier steige ich aus. Die Amerikaner wollten Heidelberg nach dem Zweiten Weltkrieg zu ihrem Hauptquartier machen, deswegen ist es nie zerbombt worden* [4, S. 81]. После окончания войны американцы планировали сделать Гейдельберг своей ставкой, поэтому город ни разу не подвергался бомбардировкам и сохранил свое историческое лицо.

Крафт пишет двойной портрет: современная Германия в брендах массовой праздничной культуры и Германия прошлого в грозных знаках войны (нацизм здесь тоже как бренд). В романе настойчиво подчеркивается неприятие героем двух этих Германий. Современная Германия представляется ему огромной машиной потребления, внутри которой живут избранные. Эти избранные должны ездить на хороших авто, принимать хорошие наркотики, пить хороший алкоголь и слушать хорошую музыку.

Ich würde ihnen von Deutschland erzählen, von dem großen Land im Norden, von der großen Maschine <...> von den Auserwählten, die im Inneren der Maschine leben, die gute Autos fahren und gute Drogen nehmen und guten Alkohol trinken und gute Musik hören müssen [4, S. 148–149].

Не привлекает героя и образ Германии в том круге представлений, который сложился в сознании современного человека в связи со Второй мировой войной. Германия – это военная машина с ее нацистскими лидерами, свастикой, факельными шествиями, это печи крематория, бомбежки, массовые убийства. Вот герой видит афишу фильма «Сталинград». Он поражен: его голова, отражаясь в стеклянной витрине, оказывается в стальном шлеме немецкого солдата, воевавшего под Сталинградом. <...> *mein Kopf trägt plötzlich einen Stahlhelm* [4, S. 93]. Вот герой наблюдает небо над южной частью Германии, отмечая, что грозы здесь не внушают такого страха и беспокойства, как мощные вагнериански-нацистские грозы в Северной Германии. Здесь явная отсылка к военному дневнику Эрнста Юнгера «В стальных грозах» (*In Stahlgewittern*, 1920).

Концепт «военное прошлое» раскрывается в разных актуальных контекстах, например, социальной агрессии и ненависти молодого поколения к военному поколению отцов и дедов. Герой Крахта усиленно конструирует образ Чужого, носителя экзистенциального опыта (негативная самоидентификация). Каждого пожилого немца (водитель такси, хозяин отеля, просто попугачик) герой наделяет историей, неизменно связанной с травмой войны. Так, беспалому хозяину отеля он приписывает участие на Восточном фронте, где тот, будучи совсем еще юным солдатом, в зимние холода отморозил себе пальцы. В романе слово «нацист» теряет свою референцию, оно присутствует в тексте лишь на правах пустого знака. В восприятии героя все пожилые немцы выглядят как *alte Nazis*, они вызывают у рассказчика открытую неприязнь, за которой стоит страх перед бездной невыразимого опыта войны.

Итак, концепт «военного прошлого» разворачивается в самой фигуре рассказчика-путешественника, собирающего и архивирующего знаки войны, и в многочисленных эпизодических описаниях урбанистического пространства немецких городов. Кристиан Крахт использует новую романную эстетику, новые формы реконструкции военного опыта, настаивая на том, что война может быть метафорой описания любого экстремального опыта и трагических переживаний.

Библиографический список

1. Чугунов Д.А. Немецкая литература 1990-х годов: Ситуация «поворота». Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 288 с.
2. Поселягин Н. Международная конференция XXI Большие Банные чтения «Неофициальная меморизация травматического опыта». (Москва, Международное общество «Мемориал», 5–6.04 2013 г.) // НЛЮ. 2013. № 123. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/123/33p-pr.html>.
3. Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1990-2000: война как экзистенциальный «Другой» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3 (1). С. 93–101.
4. Kracht Christian. Faserland. Berlin: Der Goldmann Verlag, 1997. 154 S.